

По живому следу

Олег Ефремов. Книга о театре и о себе

Смотрю по телевизору репортаж из Америки – репетиция перед началом мхатовских гастролей. У Ефремова привычные веселые искорки в глазах и не менее привычная застенчивая полуулыбка, когда он что-то объясняет журналисту.

Потом читаю в "Нью-Йорк таймс" рецензию – "умная труппа", "ансамбль смелой, продуманной постановки", "яркая, разрушающая стереотипы новая версия "Трех сестер"...

Он опять победил, но в который раз я задаю себе вопрос о цене этого успеха.

Звонят друзья из Нью-Йорка и рассказывают, что зал аплодировал, что актеры кланялись, и что Ефремов на поклон не выходил – без сил он отлеживался в гостинице.

Вспоминаю Ярославль – июль, жара под тридцать, в двенадцать дня Ефремов начинает прогон "Бориса Годунова", делает короткий перерыв "на грим и костюмы" и в семь вечера выходит на сцену в облачении главного героя. После спектакля публика скандирует, почти беснуется от восторга, а он... Подъехав к теплоходу (мы жили на корабле, на котором МХАТ плыл по Волге в предъюбилейное турне), Ефремов отдыхает на каждой ступеньке трапа, поднимаясь в свою каюту.

"Другие по живому следу пройдут твой путь за пядью пядь, но пораженья от победы ты сам не должен отличать" – иногда мне кажется, что именно эти пастернаковские строки заложены где-то в подсознании Ефремова, как программа обеспечения надежности его театрального бытия. Притом, что я не знаю другого деятеля театра, который умел бы столь же скрупулезно просчитывать всевозможные "прилагаемые" обстоятельства – сопутствующие и мешающие.

Признаюсь сразу – я пристрастен, когда думаю и пишу об этом человеке, ангажирован, как выражаются в этом случае некоторые мои молодые коллеги. И этого не стесняюсь. Не только потому, что восхищаюсь тем, что сделал Ефремов за пятьдесят лет в театре, и огорчаюсь, когда ему не удается спектакль или очередная реформа, – а в наши дни это случается нередко. Представления об ответственности и интеллигентности, которым всегда был верен Ефремов, сменяются вокруг него прагматизмом, усилением хватательного рефлекса, и многие замечательные замыслы оказываются нереализованными из-за элементарных амбиций, жадности и просто мелко-завистливых подлянок. А он именно эти качества жизни в свои расчеты обычно не включает, хотя и знает о людях и о театре все или почти все, что это смурное место способно выказать, особенно в эпоху "исторических перемен".

И все же ангажированность моя питается еще и естественным для профессии интересом: из чего каждый раз складывается результат ефремовских спектаклей – в Центральном детском, в "Современнике", в Художественном театре? И где корни того наивного стоицизма, который помогает ему – человеку очень немолодому, очень больному и очень мудрому,

то есть знающему людей и себя реально, преодолевать всевозможные барьеры?

Некоторые ответы на эти вопросы я нашел в книге-альбоме "Олег Ефремов. О театре и о себе", которой недавно дебютировало новое столичное издательство "Московский Художественный театр".

Среди множества достоинств этого издания на первое место я бы поставил такое свойство: стиль книги, ее дух, манера отбора и изложения событий соответствуют характеру самого Ефремова, его манере общения с людьми знакомыми и незнакомыми.

Помню, довольно давно для очерка к юбилею Евгения Александровича Евстигнеева я долго искал выразительное определение его личности. Наконец, мне показалось, нашел: "Евстигнеев – человек естественный".

Показал "Бате", так в "Современнике" именовали Евгения Александровича. Он хмыкнул:

– Может быть. Но это, понимаешь ли, потому, что я много лет рядом с Ефремовым...

Обаяние искренности – "фирменное" природное качество О.Н., отнюдь не растратченное с годами. И логично вытекающее из этого, мягко говоря, равнодушие к внешним, формальным символам успеха.

Об этом авторы книги пишут на самой первой странице: "Ефремов-мемуарист не состоялся. Не только потому, что у него не было времени написать "мою жизнь в искусстве". Тут дело в иной, гораздо более существенной причине... Честно говоря, невозможно представить его за письменным столом, сочиняющим книгу про себя. Не тот характер, не тот темперамент, не те интересы... Зная это, мы решили создать книгу, не придуманную или фальсифицированную (известный жанр), но органичную для Ефремова. Пусть его "жизнь в искусстве" откроется тем способом, каким он живет".

Это предисловие написано Анатолием Смелянским – театроведом, критиком, историком Художественного театра, многолетним сотрудником Ефремова, – список официальных мхатовских должностей профессора А.Смелянского на одной визитке не помещается, но самое важное: он человек, который всегда говорил своему другу и патрону только то, что думает, не таясь и не пресчитывая реакцию.

Потому и книжка получилась объемной и достоверной.

Для Смелянского это не первое приближение к теме. Более десяти

лет назад – к 60-летию О.Н. – Смелянский выпустил очерк о юбиляре, предупредив читателя, что конфликт во МХАТе (как раз тогда и шло разделение труппы на имени Чехова и имени Горького) обязывает его даже в рамках праздничной публикации прояснять судьбу театральных идей Ефремова и в контексте актуальных проблем, и в историческом контексте. В новой книге этот принцип реализован с еще большей остротой и, как мне кажется, с еще большей открытостью. Смелянский ни на одно мгновение не забывает о поразительном качестве режиссерского дарования Ефремова – о социальной направленности всех художественных поисков, какой бы исходный материал не был избран в качестве литературного первоисточника. Но с такой же четкостью критик прослеживает и

прямо противоположную тенденцию: постоянное стремление режиссера уйти от актуальности ситуационной, конъюнктурной, примитивной. По крайней мере, в самых значительных своих работах.

Автор очерка о Ефремовых вовсе не скрывает, что, рожденный в авторитарной системе, его герой сам скроен из ее же материалов, но облагорожен талантом.

"Стену можно сокрушить только тараном. Вот эти качества "тарана" он (Ефремов. – А.Ш.) в себе и развил, посвятив жизнь сокрушению "стен".

И тут Смелянский весьма жестко описывает те психологические срывы, которые неизбежно сопутствовали Ефремову, причившему себя видеть и в жизни, и в искусстве то, что связано со "стеной", отрезав многие иные важнейшие впечатления.

Говорить об аналитичности дарования Смелянского и элегантности его критического пера – значит повторять общие места. Но в этой работе он продемонстрировал еще и высшую меру ответственности за "слово изреченное", решив задачу – отдадим должное – редкостную.

Может ли юбилейная книга быть откровенной?

Выходит, может, если откровенны и персонаж, и его биограф.

По своей структуре книга мне кажется очень современной. Она включает в себя пять разделов, изящно соединенных под одной обложкой художником Полиной Адамовой – фотолетописи работы главного героя на трех сценах, составивших основу его театральной судьбы, биографический очерк, записи репетиций О.Н. чеховских пьес, хронику творчества – пока-

затели, так сказать, количественные, но не менее выразительные для характеристики уникального ефремовского трудолюбия – и "Диалоги с критиками". На этом разделе хотелось бы остановиться.

Смелянский и его молодой соавтор – главный редактор издательства и редактор книги Наталья Мягкова среди бесконечного множества интервью, бесед, "круглых столов" и тому подобных публикаций, в которых участвовал О.Н., выбрали разговоры с людьми, к которым сам Ефремов явно испытывает интерес. Это критики, представляющие все ныне действующие поколения, – отсюда как раз возникает своеобразная интонационная полифония. Чего скрывать – у каждой критической генерации есть "свой Ефремов" и свои приемы получения информации, корректные иногда лишь по форме выражения. Определенный пietet вроде бы наличествует, но и вопросы такого типа – вы, дескать, жизнь уже прожили, так вам жить интересно или нет? – тоже не смущают интервьюера.

И Ефремов отвечает:

– Временами...

И поясняет:

– Про меня всегда писали и говорили: работоспособный, четырехжильный, не зная одного – что я очень ленив, ленив просто. Я работаю для того, чтобы это сделать, чтобы потом не делать... А для того, чтобы было интересно, надо в глубину всерьез проникать... И это требует мужества.

Составители книги попросили Ефремова самого прокомментировать выбранные ими фотографии – возле каждой из них вместо традиционной подписи появились прелестные миниатюры, порой – шуточные, порой – грустные, своеобразные микрозарисовки времени и характеров. Вот, скажем, диалог у фотографии М.Н.Кедрова:

"Кедров часто приходил в студию и боялся, чтоб его мхатовцы не засекли."

– Но ведь его истинные мхатовцы ненавидели. Марков называл убийцей МХАТа, то же самое Кнебель.

– Не знаю, может быть, это не очень справедливо. Да, он возглавлял МХАТ в самые темные годы, но он тогда же поставил "Плоды просвещения". Время было темное... В нем страх сидел. Ну, вот я ему "Юдотворную" Тендрякова показывал (играли в Пушкинском театре). Смотрю, в середине второго акта его в зале нет. "Где он?" – спрашиваю. "Ушел". Я побежал по Тверскому бульвару, догнал его. Он же мой учитель. "Что вы, – говорю, – Михаил Николаевич, почему ушли?" А он твердит одну фразу: "Олег, тебя посадят, посадят". И этот комплекс был во всех стариках. Что, ты думаешь, они не знали цену "Зеленой улицы"? Знали это и знали, что получат очередную Сталинскую премию, и т.д. Вот так и жили. И Кедров из того времени, это надо понимать".

Впрочем, зачем это я взялся пересказывать?

Лучше прочитать...

Александр ШЕРЕЛЬ